

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА
E.G. ZASTROZHNOVA

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО
КРЫМА В 1920–1932 гг.: ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ
FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE
EASTERN CRIMEA IN 1920–1932: RESEARCH AND SCIENTISTS**

1920–1932 гг. в истории развития отечественной античной археологии наименее изученный, но очень важный для понимания особенностей развития науки период¹. В сложнейших социально-политических и экономических условиях археологические учреждения дореволюционной России вынуждены были искать пути дальнейшего развития и построения диалога с новой властью. В этой связи крайне важно изучить основные вехи развития и организации исследовательской работы Российской академии истории материальной культуры (РАИМК-ГАИМК) и Керченского археологического музея, а также взаимодействия этих учреждений с системой управления наукой в советской России. Хронологические рамки определены временем от завершения Гражданской войны до учреждения Керченской (Боспорской) экспедиции ГАИМКа в 1933 г., положившей начало широкомасштабным раскопкам античных городов Европейского Боспора.

В качестве основного источника послужили архивные материалы из фонда РГАК-РАИМК-ГАИМК, хранящегося в научном архиве ИИМК РАН [Ф. 2. Оп. 1-1919, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931]. Это учредительные документы, протоколы заседаний Ленинградской и Московской секций РАИМК-ГАИМКа, производственные планы и отчеты разряда Эллады и Рима в Ленинграде, экспедиционные сметы, переписка Керченского археологического музея с ГАИМКом и Главнаукой, краткие отчеты музея о проведенных раскопках и пр.

В современной историографии в ходе изучения этого периода обозначилось несколько научных направлений. Истории организации, преобразований, развития и экспедиционной деятельности РАИМК-ГАИМКа посвящен целый ряд монографий и научных статей петербургских ученых [Кашаев, 2009; Виноградов, 2009, 2012; Императорская археологическая..., 2009; Платонова, 2009; Академическая археология..., 2013]. Доскональный анализ научно-исследовательской деятельности и функционирования крымских музеев в 20-е–30-е гг. XX в. произведен в научных трудах крымских исследователей [Андросов, 2001, 2005; Асанова, 2011; Макарова, 2001; Непомнящий, 2000; Севастьянов, 2010; Федосеев, 2001, 2002]. Все указанные ра-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6.

Застрожнава Е.Г. Из истории археологического ...

боты выполнены на основе неопубликованных архивных материалов на самом высоком методологическом уровне. Тем не менее, ввиду большого количества архивной документации, разбросанной по архивам Москвы, Санкт-Петербурга, Керчи и Симферополя, многие подробности истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг. до сих пор не известны.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о событиях, предшествующих рассматриваемому периоду. Революционные события 1918 г. и последующая за ними Гражданская война самым тяжелейшим образом отразились на научной деятельности бывшей ИАК и в особенности Керченского археологического музея. Финансирование музея прекратилось, почтовое сообщение между Симферополем и Петроградом было потеряно. В 1919 г., не имея после убийства В.В. Шкорпила никакой информации о состоянии античных памятников и музеев Крымского полуострова, преемница ИАК – Российская государственная академия культуры (РГАК) направила в Крым сына директора, Владимира Шкорпила. Целью его поездки было осуществление мер «по охране раскопок, музеев и ценного имущества, находящегося в ведении РГАК» [Виноградов, 2012, с. 335]. К сожалению, архивных материалов о дальнейшей судьбе этой поездки в архиве не сохранилось.

18 апреля 1919 г. в Петрограде был обнародован Декрет СНК о создании Российской академии материальной культуры (РАИМК), продолжающей деятельность РГАК и обладающей правом на производство всех раскопок в пределах РСФСР [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 47. Л. 2]. РАИМК находилась в ведении Научного отдела Народного комиссариата по просвещению РСФСР [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 1. Л. 4]. Председателем академии был избран Н.Я. Марр². Одними из первых задач были попытки организационно и финансово разрешить насущные проблемы, в первую очередь – выдачу пайков, необходимую для выживания сотрудников РАИМК.

В Керчи в 1919 г. пост директора музея занимал Константин Эдуардович Гриневиц.³ Несмотря на все тяготы того времени, в декабре 1919 г. в печать вышел составленный им «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древ-

² Марр Николай Яковлевич – востоковед, кавказовед, археолог, этнограф. Академик РАН (1912), председатель РАИМК-ГАИМК (1918–1920, 1923–1934), основатель Яфетического института (1921, ныне – ИЛИ РАН). См.: Академическая археология... 2013.

³ Гриневиц Константин Эдуардович (1891–1970) – историк античности, археолог, историк искусства, музеевед. Член-сотрудник РАО (1916), приват-доцент Петроградского и Харьковского университетов (1918), профессор (1926), д.и.н. (1944). С 1914 г. участвовал в раскопках античных памятников Боспорского царства и Ольвии. Из-за Гражданской войны не смог вернуться в Петроград и был приглашен на должность директора Керченского музея (1919–1921 гг.). С 1920-х гг. проводит самостоятельные археологические раскопки на территории Керченского и Таманского полуостровов. Директор Херсонесского музея (1924–1927) на протяжении 1925–1930 гг. проводил исследования Херсонеса и памятников Гераклейского полуострова. В 1927 г. переехал в Москву, с 1928 г. – действительный член РАНИОН. В 1932 г. репрессирован и сослан в Томск. Заведующий кафедрой древней истории Томского университета (1940–1948). В 1948 г. уволен в рамках борьбы с космополитизмом, переехал в г. Нальчик. Профессор

ностей» [Андросов, 2001, с. 143]. В ноябре 1920 г. Красная армия взяла Крым и в обстановке полного отсутствия контроля со стороны властей масштаб грабительского расхищения некрополя Пантикапея возрос до небывалого уровня. К.Э. Гриневич даже выпустил воззвание к кладоискателям, в котором разрешалось проводить грабительские раскопки, но при условии предварительного осведомления директора и только под его наблюдением и руководством. В 1920 г. археолог провел небольшие раскопки некрополя Пантикапея на месте расхищенных грабителями могил [Федосеев, 2002, с. 156]. С января по июнь 1920 г. при Керченском музее работали археологические курсы. Лекции по классической археологии, эпиграфике и экскурсионному обслуживанию читали К.Э. Гриневич и Ю.Ю. Марти [Макарова, 2001, с. 148].

Во избежание повсеместного разграбления памятников археологии проводились государственные меры по упорядочиванию ситуации. При подотделе изобразительных искусств Отдела народного образования Крымского ревкома была создана секция по охране памятников старины и искусства. Впоследствии она была преобразована в самостоятельное учреждение – Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Именно с деятельностью КрымОХРИСа в 20-е гг. XX в. связаны основные этапы развития музейного дела в Крымской АССР [Асанова, 2011, с. 16]. Были созданы шесть ОХРИСов в таких городах Крыма, как Бахчисарай, Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия, Ялта. Заведующим Керченским ОХРИСом был назначен Ю.Ю. Марти. Несмотря на попытки введения охранных мер, в 1921 г. музей подвергся вооруженному ограблению, вследствие чего были украдены золотые ценности, которые вскоре были возвращены [Федосеев, 2002, с. 157]. Не вызывает никаких сомнений то, что погромы, мародерство и отсутствие элементарного продовольственного снабжения поставили музей на грань жизни и смерти. Это подтверждается письмом К.Э. Гриневича 1922 г. в РАИМК: «Согласно сообщениям Ю. Марти местный Наробраз вмешивается во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех сотрудников музея, за исключением только заведующего, что повлекло за собой смерть от голода сторожа музея, сторож древностей на горе Митридат и надсмотрщики музея опухли от голода и ждут своей судьбы» [Виноградов, 2012, с. 340]. К.Э. Гриневич просил РАИМК в срочном порядке поднять вопрос в Наркомпросе о положении и принадлежности Керченского музея для спасения его служащих. Летом 1922 г. Ю.Ю. Марти обратился лично с письмом в РАИМК, в котором просил у ленинградских коллег срочной помощи: «Если не будет оказана самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна. Если люди вымрут, я никого на их место не найду... Во избежание вымирания прошу ходатайствовать о выдаче полного числа паёв и аккуратной

Кабардинского пединститута (1948–1953). В 1953 г. переехал по состоянию здоровья в г. Харьков. Профессор, заведующий кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета (1953–1970). См.: Кадеев, 1992; Тункина, 2008.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

выплаты жалования» [Виноградов, 2012, с. 341]. Конечно же, все эти просьбы не были оставлены без внимания, и РАИМК отправила в руководящие инстанции письма с просьбой о помощи музею и переводе его под юрисдикцию академии и финансировании через государственный (республиканский), а не местный бюджет.

В 1921 г. Ю.Ю. Марти⁴ был назначен директором Керченского музея, который делал все для возобновления научно-исследовательской работы. Небольшие разведки, проведенные в 1923 и 1924 гг. на Госпитальной улице, привели к открытию нескольких склепов и «башни древней стены», что подтвердило верное направление городской стены на карте П. Дюбрюкса. Примечательно, что ввиду полного отсутствия денежных средств с рабочими музей расплачивался мукой, отпущенной продкомом по предложению исполкома Керчи [Федосеев, 2002, с. 159]. Продолжая работу К.Е. Думберга, Ю.Ю. Марти впервые разбил всю зону горы Митридат на квадраты с целью привязки на плане разнохарактерных объектов для восстановления общей планировки древнего Пантикапея. Кроме этого, небольшие разведки проводились К.Э.Гриневичем в 1924 г. на Тиритакском валу.

В декабре 1925 г. крестьянином Нешевым в кургане над хутором Бикеч у деревни Марфовки при добывании камня была открыта знаменитая могила с драгоценными вещами гуннского стиля – «марфовским кладом»⁵ [Засецкая, 1968, 1994]. 23 января 1926 г. в Керченский музей была сдана первая партия драгоценных вещей из этого погребения: золотые венец, пряжка, две подвески и восемь прямоугольных пластинок. Затем на протяжении февраля–апреля от лиц, просеивавших вместе с Нешевым землю в могиле с кладом, в музей сдавались другие золотые предметы. Сложно сказать, были ли найдены эти вещи на протяжении нескольких месяцев или нашедших крестьян повлияли увещевания Ю.Ю. Марти о незаконном присвоении и утаивании драгоценностей. Об уникальной находке было сообщено в ГАИМК, которая в свою очередь подала ходатайство в Главнауку⁶ за подписью С.А. Жебелева

⁴ Марти Юлий Оскар Матвей Юльевич (1874–1959), археолог, музеевед. Учитель латинского языка в Александровской гимназии в Керчи (1897–1919), заведующий Мелек-Чесменским курганом Одесского общества изучения древностей (с 1904), директор (1921–1939), заместитель директора по научной работе (1939–1941) Керченского музея. В период войны был эвакуирован из Керчи с «золотым чемоданом» в Краснодар, где следы ценностей затерялись. В 1942–1945 гг. работал преподавателем немецкого языка в Благовещенской средней школе Кабардино-Балкарской АССР (1942–1945). Заведующий античным отделом Херсонесского музея (1946–1947). По возвращении в Керчь работал в должности научного сотрудника и главного хранителя Керченского музея (1947–1951). См.: Федосеев, 2001; Тункина, 2008.

⁵ В научном архиве ИИМК РАН хранится несколько архивных дел с крайне подробным описанием этого погребального комплекса, содержащих также неизвестные ранее фотографии процесса раскопок, план кургана, склепов и фотографию стеклянного сосуда из погребения с кладом. В настоящее время эти материалы готовятся к публикации – Е.З.

⁶ Главнаука (с 1922) – Главное управление научных и научно-художественных учреждений. Появилось в системе Наркомпроса в результате преобразования Отдела научных учреждений и Отдела научных библиотек, входивших в состав научного сектора. Основные задачи – учет, развитие и материальное обеспечение всех научных учреждений в стране, направление и координация их работы; подготовка и проведение экспедиций; утверждение смет археологических работ; выдача открытых листов;

об ассигновании средств на раскопки во избежание расхищения памятников на Аккосовом валу [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 185]. Средства были выделены, и 27 ноября 1926 г. Ю.Ю. Марти вместе с надсмотрщиком отправился для осмотра и доследования погребения с «марфовским кладом». Раскопки проводились с 28 ноября по 4 декабря 1926 г. Была исследована разоренная крестьянами гробница, которая примыкала к склепу, лежащему ниже на 1 м. В этот склеп вел дромос, в погребальной камере располагались два погребенных. Из инвентаря были найдены только лепная миска и два фрагмента от стеклянных сосудов. За камерой склепа были зафиксированы сдвинутые в сторону кости от двух погребенных – взрослого и ребенка. Таким образом, в кургане было совершено несколько погребений – первоочередным, вероятно, было захоронение взрослого и ребенка, затем был возведен склеп, а позже осуществлено захоронение с «марфовским кладом». В 1942 г. коллекция золотых вещей из «марфовского клада» была эвакуирована Ю.Ю. Марти в «золотом чемодане» в Краснодар, после чего след ее был утерян.

В этом же году, решив изучить другую часть кургана с кладом, Ю.Ю. Марти заложил траншею в северо-западном направлении насыпи. Там рабочие наткнулись на фундамент каменной стены, перерезавший курган перпендикулярно. Основание было сложено из известняковых камней правильной формы. Сделав прирезку в западном направлении от открытого фундамента, была зафиксирована подошва еще одной стены. Ю.Ю. Марти отмечал, что «постройка была, скорее всего, квадратной формы и являлась конструкцией сторожевой башни, существование которой на крайнем пункте вала внутри ворот, открывающих вход в Боспорское царство, вполне естественно. Таким образом, небольшие раскопки на валу дали ценные результаты, которые необходимо изучать и дальше» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Л. 7].

Кроме раскопок на Аккосовом валу, были проведены небольшие разведки в районе Китея и Акры. В своем отчете за 1926 г. Ю.Ю. Марти просил предоставить ему на следующий год открытый лист на разведки на Аккосовом валу и в районе Тиритаки, а также на археологические раскопки Китея и Нимфея.

Кроме таких важных полевых открытий, осенью 1926 г. состоялось не менее важное для античной археологии событие. Летом и осенью 1926 г. в Москве, Ленинграде, Симферополе и Керчи велась подготовка к организации Керченской конференции, приуроченной к 100-летию учреждения Керченского археологического музея. К этому событию Ю.Ю. Марти готовил работы «Сто лет Керченского музея» и «Путеводитель по Керченским древностям». В рамках написания этих трудов и подготовки выставки Ю.Ю. Марти не раз обращался в ГАИМК с просьбой о предоставлении ряда фотографий. В частности, мирмекийского саркофага, мраморных статуй, открытых в Керчи в 1850 г., и портретов А.Б. Ашика, И.П. Бларамберга и А.Е. Люценко [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 73. Л. 1].

организация научных съездов, симпозиумов и др. Руководители Главнауки: И.И. Гливенко (1921–1923), Ф.Н. Петров (1923–1927), М.Н. Лядов (1928), И.К. Луппол (1929–1930). См.: Сорокина, 2015, с. 119–135.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

На заседаниях Московской и Ленинградской секций ГАИМКа принимались решения о командировании сотрудников в Керчь для участия в конференции. Из Москвы было решено командировать Ю.В. Готье и Н.Д. Протасова [НА РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 69. Л. 126], из Ленинграда, помимо основного руководящего состава, должны были отправиться Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова, А.П. Смирнов, Л.А. Мацулевич, Н.В. Измайлова, А.А. Спицын, М.И. Максимова [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 73. Л. 5].

На конференции, имевшей ключевое значение для возобновления археологических исследований античных памятников, помимо других важных решений было принято предложение начальника Главнауки об учреждении в Керчи отделения ГАИМКа. На этом интересном эпизоде необходимо остановиться подробнее. Н.Я. Марр в пояснительной записке к этой резолюции указывал, что «колоссальные богатства, находящиеся в Крыму и особенно в Керчи обязывают ученых СССР внимательно изучить их, ввиду того что они находятся под угрозой гибели, как от стихийных причин, так и от людей». Он также обращал внимание на то, что «специалисты, бывшие в Керчи на конференции в 1926 г., не могли не заметить, как мало у нас ученых сил на местах и как важно было бы приблизить к ним специалистов из центра, ввиду этого Керченская конференция постановила открыть в Керчи секцию ГАИМК» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 79. Л. 1]. Секция или отделение предполагалось как научно-исследовательское учреждение, в которое направлялись бы археологи из центра, и исследования проводились бы с участием местных специалистов. В план совместной работы должны были входить: обработка музейных коллекций, археологические разведки, раскопки, проведение экскурсий и пр. Планы, сметы и отчеты должны были утверждаться ГАИМКом в Ленинграде. Для секции необходимо было выделить помещение, где могли бы останавливаться командированные специалисты, а также средства для приобретения необходимого оборудования для исследовательской работы.

Начиная с ноября 1926 г. Московская и Ленинградская секции ГАИМКа работали над проектом организации отделения в Керчи. Б.В. Фармаковский отправил в Москву отношение, в котором просил уведомить, кто из сотрудников Московской секции будет согласен выехать в Керчь сроком на 2-3 месяца для проведения необходимой организационной работы. Однако Н.Я. Марр, вероятно бывший в курсе финансового положения Главнауки, отмечал, что «ввиду того, что организация данного проекта требует крупных расходов (около 10 тыс. руб.), Академия, считаясь с наличием в распоряжении Главнауки средств и не желая откладывать открытие отделения, признала возможным ограничить на первый организационный период работу отделения одним лицом, которому будет поручено организация и работа на месте» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 79. Л. 2]. Таким образом, расходы на поездку и проживание одного лица в Керчи и некоторая сумма на исследовательские работы требовали бы выделения одной тысячи рублей. В середине декабря научный отдел Главнауки попросил прислать проект положения об отделении в Керчи, с

Боспорские исследования, вып. XXXV

указанием его задач и структуры, а также примерный план работ на год и сметы, отметив, что «без указанных сведений будет затруднительно вынести решение по этому поводу» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 3]. В январе 1927 г. план и смета были представлены, и Н.Я. Марр уведомил Главнауку, что для проведения подготовительных работ в Керчь готов отправиться научный сотрудник разряда археологии и искусства раннехристианских и византийских древностей Л.А. Мацулевич [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 80. Л. 5]. В феврале был получен следующий ответ: «в распоряжении Главнауки не имеется просимых средств на командирование Мацулевича в связи с открытием отделения. При отсутствии возражений по существу все же представляется неясным командирование одного лица в Керчь при наличии там Музея, ведущего на месте ту же научно-исследовательскую работу в области археологии» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 3]. Безусловно, такой ответ был неясен и для Н.Я. Марра, потому что в ответном письме он еще раз излагает всю историю с проектом учреждения отделения в Керчи и уточняет «если Главнаука отказывается выделить деньги, то она: 1 – решила выделить полностью все 10 тысяч вместо тысячи; 2 – отказывается от проекта; 3 – имеет третье решение, о котором академии ничего не известно» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 4]. В марте от Главнауки был получен следующий ответ: «Главнаука сообщает, что в ее распоряжении в настоящее время нет средств ни на командировку Мацулевича, ни тем более на открытие самого отделения в Керчи, почему предлагается произвести необходимые расходы по сему делу за счет уже ассигнованных академии сумм, причем Главнаука полагает, что значительная часть расходов могла бы отпасть при использовании сил и средств Керченского музея» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 5]. Не имея на данный момент никакой более архивной информации по этому вопросу, трудно понять, чем же руководствовалась Главнаука при выдвижении подобного предложения на конференции и последующем отказе от него. Вероятно, подобное изменение решения было вызвано кадровыми перестановками в Главнауке, о которых было неизвестно даже столь вхожему в эту среду Н.Я. Марру. Или же, что вполне логично, тем, что государством не были выделены даже минимальные средства на этот проект. В любом случае подобная история крайне показательна для того периода.

В связи с этим интересен еще и тот факт, что в марте этого же года Ю.Ю. Марти отправил записку в правление ГАИМК с представлением плана археологических работ Керченского музея и сметы на 1927 г. В этой записке Ю.Ю. Марти обращал внимание на то, что «возрождающийся металлургический завод общества Юго-стали грозит захватить огромный археологический район (Новый карантин), гора Митридат застраивается жилыми домами, а рост строительной деятельности отмечается в ряде деревень Керченского района». Отмечал он и то, что «объезд памятников показал неутешительную картину: Парфений оказался практически полностью уничтожен, в деревне Баксы разобран акведук римского времени, Мирмекий и Нимфей находятся

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

под угрозой расхищения. Крайне важны для исследований Тиритака, Акра, Китей, башня на Аккосовом валу, поселения на берегу Азовского моря и у мыса Казантип» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 4]. В план археологических работ на 1927 г. исследователь включил подготовительные раскопки и разведки Пантикапея, Киммерика, Нимфея, Китея, Акры и Тиритаки. Предполагаемая смета на эти работы составляла 650 руб. Ю.Ю. Марти обратился к Н.Я. Марру и просил правление ГАИМК «всемерно поддержать перед Главнаукой мое ходатайство об отпуске средств на указанные крайне необходимые работы и в городе Керчи» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 1]. Учитывая полученный ранее Н.Я. Марром от Главнауки ответ касательно финансирования, то не совсем понятно, отправил и поддержал ли ГАИМК смету Керченского музея. Никаких резолюций Главнауки в деле нет, есть ответ ГАИМКа на записку Ю.Ю. Марти за подписью Б.В. Фармаковского. В нем указывается на то, что «намеченный на 1927 г. план Керченского музея по исследованию памятников представляется Академии трудно осуществимым при силах Музея и при его материальных возможностях». В результате «чрезвычайно интенсивное развертывание раскопной деятельности с ответственными предприятиями в различных пунктах при совершенном несоответствии испрашиваемых сумм лишь усилят хищнические работы, потому Академия считает правильным сосредоточение Музея на одном пункте, со всесторонним его изучением» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 7].

В итоге методической комиссией при музейном отделе Главнауки и ГАИМКом был одобрен пятилетний план работы Керченского музея, включающий в себя исследования Черноморского побережья от горы Опук до мыса Такиль. В 1927 г. Ю.Ю. Марти было принято решение «в первую очередь обследовать городища, упоминаемые древними авторами и обследованные основоположниками русской археологии: П.С. Палласом, П. Дюбрюксом, Ф. Дюбуа де Монпере, которые вскоре после этого оказались забытыми и брошенными». 12 июля 1927 г. Ю.Ю. Марти в сопровождении топографа, надсмотрщиков и рабочих начал разведочные работы на горе Опук близ хутора Щеглова. Объектом исследования был город Киммерик на вершине горы [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 23].

По свидетельству Ю.Ю. Марти, Киммерик представлял собой полную картину разрушения, холм акрополя был изрыт ямами. На месте акрополя были выстроены хлебные амбары и другие хозяйственные постройки, разрушенные в «голодный год». Наиболее сохранившейся частью города оказалась длинная оградительная стена, тянувшаяся вдоль моря от города до озера Элькена. Подъемный материал был представлен фрагментами амфор римского времени и столовой посудой, заложенные шурфы стратиграфической картины не представили. Ю.Ю. Марти отмечал, что на восточной стороне горы Опук располагается памятник, описанный Ф. Дюбуа де Монпере, – жертвенник или пьедестал статуи – глыба прямоугольной формы, с восточной стороны которой выбито две ступени, а с западной стороны – одна [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 27].

После разведок Киммерика исследования были перенесены на территорию городища Китей, который был локализован по надписи «китеян», обнаруженной в 1918 г. Вместе с надписью в расселине холма в центре городища были найдены несколько постаментов от статуй и солнечные часы с 12 делениями, украшенные головой быка [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 34]. По результату археологических разведок Ю.Ю. Марти уточнил локализацию памятника согласно картам П. Дюбрюкса [Севастьянов, 2010, с. 174]. Выяснилось, что Китей был принят П. Дюбрюксом за Акру, и эта неточность была снята только благодаря исследованиям Керченского музея [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 35]. Небольшие разведки были проведены в северо-западном углу городской стены, где были зафиксированы следы пристройки или ворот. Подъемный материал был представлен местной красноглиняной столовой посудой, фрагментами краснолаковых и стеклянных сосудов.

Затем небольшие работы были осуществлены на территории некрополя Китея. В кургане, неподалеку от Джург-Обы, был открыт каменный склеп, ограбленный в древности [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 44]. В насыпи этого кургана на глубине 0,4 м находились наконечники стрел и просверленный кабаньим клыком, а на глубине 1,5 м были найдены фрагменты железного чешуйчатого панциря и задняя часть скелета лошади. Дно погребальной камеры склепа было выложено морскими ракушками, стены сложены из рустованных плит. В самой камере были зафиксированы фрагменты от чешуйчатого панциря, аналогичные найденным в насыпи, наконечник копья, фрагменты меча, три костяных ворворки и закрытый сосуд. Погребение было датировано IV-III вв. до н.э. и определено Ю.Ю. Марти как воинское захоронение с чертами скифского погребального обряда. Неподалеку от него была открыта гробница, сложенная из каменных плит. Внутри в беспорядке располагались кости нескольких погребенных с достаточно разнообразным набором погребального инвентаря. Рядом с умершими были найдены: шесть краснолаковых мисок, один кувшин, четыре светильника, один стеклянный бальзамарий, одна терракота в виде Кибелы, одна терракота в виде мужской фигуры с подвисными конечностями, пять бронзовых браслетов, четыре фибулы, четыре пряжки, четыре серьги, одно веретено, а также золотые перстень и серьга [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 47]. Погребение было определено как семейная усыпальница и датировано по монетам Савромата III и Рискупорила IV – II-III вв. н.э. В ходе дальнейших разведок на территории некрополя Китея было установлено, что он существовал на протяжении IV в. до н.э. – IV в. н.э.

В результате археологических работ этого года было уточнено местоположение Киммерика, Китея и Акры; сняты планы акрополя Киммерика и Китея; собран и исследован подъемный материал; обследованы неизвестные ранее некрополи и пр. Как отмечал Ю.Ю. Марти: «в совершенно новом свете стали обрисовываться древние эллино-скифские города Черноморского побережья». В отчете он отмечал, что для защиты памятников необходимы охранные мероприятия, запрет на добывание камня, включение памятника в реестр и пр.

Застрожнава Е.Г. Из истории археологического ...

В 1928 г. Керченским музеем были продолжены раскопки Китея, которые проводились с 20 июня по 1 августа 1928 г. [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 5]. У подножия кургана Джург-Оба была открыта катакомба с росписью стен голубой и красной красками. У восточного вала городища были обнаружены следы основания двух древних стен. На горе Митридат в августе этого же года исследования проводились на месте работ местного колхоза по устройству водохранилищ для городского водопровода. На исследуемом участке были найдены несколько погребений, одно из них представляло собой каменный ящик, внутри которого располагался детский деревянный саркофаг I в. н.э. с двускатной крышей. В нем находилась бронзовая урна с прахом, а за саркофагом была обнаружена еще одна похожая урна с пережженными костями. Рядом с саркофагом было совершено безынвентарное мужское погребение [Севастьянов, 2010, с. 174]. Обнаруженная гробница была определена Ю.Ю. Марти как семейная усыпальница первых веков н.э.

В 1929 г. раскопки Пантикапея были продолжены в юго-западной стороне Старого кладбища. На этом участке была открыта гончарная печь округлой формы диаметром 6 м и глубиной 2,5 м (рис. 1). Посередине печи располагался полуразрушенный квадратный столб, прорезанный горизонтально идущим дымоходом. Вокруг были найдены в большом количестве отходы гончарного производства, датирующиеся римским временем. Вокруг печи были зафиксированы каменные вымостки и фундаменты построек, что свидетельствовало об открытии производственного квартала на окраине Пантикапея [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 12]. Случайные открытия этого года – два склепа на Эспланадной улице.

На территории Китея в 1929 г. было исследовано пять склепов. Это так называемые склеп «с христианской посудой», склеп «с изображением парусного судна», склеп «с монументальной лестницей», склеп «без лежанок» и склеп «с несколькими лежанками». Особое внимание исследователь обратил на склеп «с изображением парусного судна». Длина камеры, высеченной в скале, – 7,25 м, ширина – 2,7 м, высота – 2,1 м. Сделанное красной краской линейное изображение парусного судна с кормчим располагалось в западной нише. Над восточной нишей находилась двустрочная древнегреческая надпись. Осмотр лежанок обнаружил над самой западной из них семь отверстий от гвоздей, к которым прикреплялся полог. Как и в других склепах, в рассматриваемом было обнаружено много фрагментов красноглиняной и краснолаковой керамики, а также фрагменты стеклянной посуды, причем некоторые осколки стекла носили следы пребывания в огне [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 13].

Несмотря на такие успешные исследования, в августе 1929 г. Керченский музей был переведен с государственного на местный бюджет, что вызвало резкий протест как со стороны музея, так и ГАИМКа. Ю.Ю. Марти отправил в ГАИМК и в Наркомпрос Крыма письма с просьбой «предотвратить этот рискованный шаг и спасти для науки Музей, поскольку он имеет общесоюзное и даже общеевропейское значение, так как раскопки на Боспоре выявляют своеобразную ирано-эллинскую

культуру на далекой окраине эллинского мира» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 96. Л.4]. Н.Я. Марр в свою очередь также поддержал Музей, отправив отношения в Главнауку и в Наркомпрос Крыма с просьбой вернуть Музей на государственный бюджет. Вероятно, перевод музея на местный бюджет был связан с несколькими причинами: повсеместное сокращение расходов на содержание государственного аппарата (в этой связи в 1927 г. был упразднен Крымохрис); отсутствие подтвержденного на общегосударственном уровне реестра памятников, подлежащих охране, и резкое снижение финансирования на содержание памятников в связи со строительством первой пятилетки [Андросов, 2005, с. 9]. Прямых указаний на перевод музея обратно на республиканский бюджет в архиве нет, однако, судя по документам следующих лет, Керченский музей вернули обратно на республиканский бюджет.

Конец 1920-х гг. характеризуется усиливавшимся идеологическим давлением государства и его прямым вмешательством в научные вопросы. 1929 г. принято считать «годом великого перелома» в процессе развития отечественной науки. В основе развернувшихся дискуссий лежала проблема формирования нового мировоззрения ученых на базе марксистского учения. Начиная с 1929 г. проводятся чистки и увольнения в ГАИМКе. Ввиду ухудшения состояния здоровья Н.Я. Марр все более отходит на второй план. Товарищем председателя ГАИМКа был назначен Федор Васильевич Кипарисов⁷. Он прекрасно понимал необходимость доказать практическую пользу археологии в период начинающейся индустриализации. 11 мая 1929 г. на общем собрании сотрудников ГАИМК Ф.В. Кипарисов заявил, что «при нынешнем положении в стране» необходимо централизовать всю археологическую деятельность в рамках академии. Дело в том, что расходы государства на археологию неизбежно сокращались, а археологическими исследованиями в стране занимались на тот момент несколько учреждений: Государственный музей изобразительных искусств, Государственный исторический музей, Институт археологии и искусствоведения РАНИОН [Платонова, 2009, с. 234]. Весь этот «вредный параллелизм» Ф.В. Кипарисов считал причиной возможного срыва пятилетнего археологического плана на территории СССР. Потому вполне обоснованным было стремление ГАИМКа стать единственным учреждением, контролирующим археологические раскопки в стране.

В связи с этим летом 1929 г. ГАИМК подала в Главнауку Записку «О рационализации научно-исследовательских работ в области археологии СССР» [ГАРФ. Д. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 300]. Руководство академии предлагало признать ГАИМК центральным научно-исследовательским учреждением, которое должно контролировать всю археологическую работу, а также считало целесообразным

⁷ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936). Товарищ председателя (1929–1934), председатель ГАИМКа (1934–1936). В условиях «Великого перелома» в отечественной науке в 1929–1930 гг. сумел активизировать для советской власти археологию за счет изучения «материального базиса» древних обществ. Осенью 1936 г. был обвинен в экономическом «вредительстве», арестован и вскоре расстрелян. См.: Академическая наука, 2013.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

передать в ГАИМК все архивные материалы по археологическим раскопкам из Москвы и других региональных архивов. Отрицательный ответ на этот документ в достаточно резких выражениях был сформулирован В.А. Городцовым на заседании секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН [ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 315].

Еще одной попыткой объединения исследовательской деятельности в рамках ГАИМКа стала организация крымского комитета на базе академии. 17 октября 1929 г. состоялось заседание крымского комитета. Председателем был избран Ф.В. Кипарисов, секретарем – М.А. Тиханова, члены комитета: от ГАИМКа – Н.Б. Бакланова, Г.А. Бонч-Осмоловский, Л.А. Мацулевич, И.А. Орбели, Н.И. Репников. От ГИМа – Ю.В. Готье, Н.Д. Протасов и К.Э. Гриневич. На заседании был поставлен вопрос о выработке плана археологических исследований в Крыму применительно к пятилетнему индустриальному плану строительства в этом регионе. Отмечалось, что «добыча сырья, главным образом в районах Керченского полуострова, и развитие курортного и городского строительства будут неизбежно охватывать многочисленные группы известных и неизвестных памятников материальной культуры» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 15]. Было признано необходимым передать все вопросы по исследованию и охране памятников древности края крымскому комитету; вступить через представителей на местах во взаимодействие с местными властями, музейными, научными и краеведческими организациями; данные, собранные на местах, должны были стать реальным основанием для составления плана исследований; работы пятилетки должны были выражаться в виде комплексных экспедиций, проводимых заинтересованными учреждениями под руководством ГАИМКа. Таким образом, «плановое проведение работ на широкой материальной базе, поддержанной местными научными организациями, строительством и широкой общественностью обеспечит им капитальный результат» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 15].

16 марта 1930 г. Н.Я. Марр отправил уведомление о создании крымского комитета Народному комиссару АССР Крыма с предложением войти в состав комитета. В этом же деле хранится отношение Главнауки в Наркомпрос Крыма, в котором она выражает сомнение в том, что «ГАИМК сможет, находясь в Ленинграде, курировать все экспедиционные мероприятия в Крыму, возможна лишь общая координация но при согласовании с Крымнаркомпросом» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 22]. Видимо, будучи поставлен в известность о подобных сомнениях Главнауки, Ф.В. Кипарисов выражал свое согласие и на координационную позицию ГАИМКа в том числе.

Пока ГАИМК пытался отстаивать свое право на проведение и контроль за археологическими исследованиями, в Керчи продолжались дальнейшие исследования. На горе Митридат раскопки проводились на участке рядом с гончарной печью, открытой в 1929 г. Ю.Ю. Марти распорядился «раскопки с этого момента не засыпать и оставить открытыми, приняв все меры к сохранению их и посещаемости их экскурсантами»

Боспорские исследования, вып. XXXV

[НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 145. Л. 2]. Продолжались разведочные работы на территории Тиритаки, а затем Нимфея, а также общие работы на Таманском полуострове на городище Гермонасса. Главнаука, куда Ю.Ю. Марти отправил отчет за 1930 г., переслала его ГАИМКу с просьбой написания заключения. Оно было составлено А.А. Миллером, который посчитал все пункты целесообразными, кроме раскопок на территории Таманского полуострова, ввиду того, что ГАИМК планировала самостоятельное проведение Таманской экспедиции. Кроме того, А.А. Миллер затребовал у музея чертежи раскопок прошлых лет в качестве дополнения к отчету, по которым архитектор ГАИМКа К.К. Романов сделал пару замечаний. Тем не менее, это никак не повлияло на утверждение отчета и плана раскопок Керченского музея на 1932 г. Сам план в деле отсутствует, но можно предположить, что он включал в себя продолжение исследований прошлых лет.

Помимо плановых исследований, в 1932 г. научным сотрудником Камыш-Бурунского рыбсовхоза В.Ю. Марти совместно с Керченским музеем были проведены исследования комплекса рыбозасолочных ванн Тиритаки. Причиной этого стали земляные работы при строительстве Камыш-Бурунского завода «Азовсталь», в ходе которых в 0,5 км к югу от берегового маяка была обнаружена система из 16 цементированных бассейнов, сгруппированных совместно по четыре в ряд [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 37]. Восемь из этих колодцев были очищены экспедицией Керченского музея от заполнявшей их земли и детально обследованы. Ихтиологические остатки были предоставлены В.Ю. Марти для их определения. Было установлено, что ванны служили в основном для засолки сельди [Марти, 1941, с. 94]. Кости осетровых рыб, раковины устриц и мидий, присутствовавшие в ваннах, вероятно, свидетельствовали о более поздних мусорных сбросах.

Все более активно развивающееся строительство в рамках I Пятилетки на территории Керченского полуострова требовало масштабных археологических работ и принятия мер по спасению античного наследия крымского региона. В конце декабря 1932 г. на заседании сектора рыбовладельческой формации в Ленинграде представители Московской секции ГАИМК В.Д. Блаватский и Б.Н. Граков выступили с докладом о создании Керченской археологической экспедиции, так как давно назрела в ней необходимость. Эта идея была полностью поддержана сотрудниками Ленинградской секции, и в 1933 г. была учреждена Керченская (Боспорская) экспедиция, объединившая научные силы Ленинграда, Москвы и Керчи [Виноградов, 2009. С. 25].

Подводя итог, необходимо уточнить, что приведенный очерк истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг., конечно же, не является исчерпывающим. Безусловно, для составления более полной картины об этом сложнейшем в истории науки периоде требуется всесторонний анализ всего комплекса архивных материалов. Тем не менее, даже на основе имеющихся документов возможно выявить основные тенденции развития античной археологии в советской России, восстановить историю археологических исследований Пантикапея и малых

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

городов Боспора в 1920–1932 гг., а также еще раз убедиться, что во многом благодаря подвижническому служению науки сотрудниками Керченского музея и ГАИМКа удалось уберечь и сохранить ценнейшее культурное наследие крымского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) СПб., 2013. 416 с.
- Андросов С.А.* Обзор документов государственного архива Автономной Республики Крым по истории Керченского музея древностей (1826–1920 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 142–143.
- Андросов С.А.* Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20–30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 7–16.
- Асанова У.К.* Новая музейная система в Крымской АССР (20-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199. Т. 1. С. 16–21.
- Виноградов Ю.А.* Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ГАИМК-ИИМК СССР-ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Мат. межд. конф. СПб., 2009. С. 24–29.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917) / Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVII. Симферополь-Керчь. 368 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.) // ИГАИМК. 1934. Вып. 80.
- Засецкая И.П.* Полихромные изделия гуннского стиля из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 35–53.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994. 224 с.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2009. 1312 с.
- Кадеев В.И.* Гриневич К.Э. как ученый / В. И. Кадеев // Вестник Харьковского университета. 1992. № 362. Вып. 25. С. 129–134.
- Кашаев С.В.* Сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК-ГАИМК-ЛОИИМК-ЛОИА (1919-2009 гг.) // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 37–49.
- Макарова Н.А.* Экскурсионная деятельность Керченского историко-культурного заповедника. История вопроса и современность // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 146–151.
- Марти В.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 93–95.
- Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь, 1926.
- Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.
- Севастьянов А.В.* Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2010. Т. 23, № 1. С. 168–179.
- Сорокина И.А.* Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV. М., 2015. С. 119–135.
- Тункина И.В.* Библиографический словарь-указатель // В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX вв. М., 2008. 832 с.
- Федосеев Н.Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Федосеев Н.Ф.* Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 18–29.

REFERENCES

- Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* SPb., 2013. 416 p.
- Androsov S.A. Obzor dokumentov gosudarstvennogo arhiva Avtonomnoj Respubliki Krym po istorii Kerchenskogo Muzeya Drevnostej (1826–1920 gg.) // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 142–143.
- Androsov S.A. Ohrana pamyatnikov istorii i kul'tury Kryma v 20–30-e gody XX veka // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2005. № 66. L. 7–16.
- Asanova U.K. Novaya muzejnaya sistema v Krymskoj ASSR (20-e gody XX veka) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2011. № 199. T. 1. S. 16–21.
- Vinogradov Yu.A. Bosporskoj ehkspedicii IIMK RAN (GAIMK-IIMK USSR-LOIA AN USSR) 75 let // Bosporskij fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Mat. mezhd. konf. SPb., 2009. L. 24–29.
- Vinogradov Yu.A. Stranicy istorii bosporskoj arheologii. Epoha Imperatorskoj arheologicheskoy komissii (1859–1917) / Bosporskie issledovaniya. 2012. Vyp. XXVII. Simferopol'-Kerch'. 368 p.
- Gajdukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi (po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929–1931 gg.) // IGAIMK. 1934. Vyp. 80.
- Zaseckaya I.P. Polihromnye izdeliya gunnskogo stilya iz pogrebenij Nizhnego Povolzh'ya // ASGEH. 1968. Vyp. 10. L. 35–53.
- Zaseckaya I.P. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepej v gunnskuyu ehpohu (konec IV-V vv.). SPb., 1994. 224 p.
- Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859–1917)*. SPb., 2009. 1312 p.
- Kadeev V.I. Grinevich K.E. kak uchenyj / V. I. Kadeev // Vestnik Har'kovskogo universiteta. 1992. № 362. Vyp. 25. L. 129–134.
- Kashaev S.V. Sotrudniki Otdela istorii antichnoj kul'tury IIMK RAN i ego predshestvennikov v RAIMK-GAIMK-LOIIMK-LOIA (1919–2009 gg.) // Zapiski IIMK RAN. 2009. № 4. L. 37–49.
- Makarova N.A. Ekskursionnaya deyatel'nost' Kerchenskogo Istoriko-Kul'turnogo Zapovednika. Istoriya voprosa i sovremennost' // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 146–151.
- Marti V.Yu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki // MIA. 1941. № 4. L. 93–95.
- Marti Y.Yu. Sto let Kerchenskogo muzeya. Istoricheskij ocherk. Kerch', 1926.
- Nepomnyashchij A.A. Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): Biobibliograficheskoe issledovanie. Simferopol', 2000. 360 p.
- Sevast'yanov A.V. Izuchaya drevnost' i sohranyaya pamyat': problemy istorii material'noj kul'tury i ohrany pamyatnikov v nauchnom nasledii chlenov Rossijskogo obshchestva po izucheniyu Kryma (1922–1932 gg.) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. 2010. T. 23, № 1. L. 168–179.
- Sorokina I.A. Gosudarstvennaya sistema upravleniya kul'turnym naslediem i naukoy v 1921–1925 godah // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. Vyp. IV. M., 2015. L. 119–135.
- Tunkina I.V. Bibliograficheskij slovar'-ukazatel' // V.P. Buzeskul. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX – nachale XX vv. M., 2008. 832 p.
- Fedoseev N.F. Kerchenskij muzej drevnostej // VDI. 2002. № 1. L. 154–178.
- Fedoseev N.F. Sud'by kerchenskih arheologov // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 18–29.

Резюме

Статья посвящена научно-исследовательской деятельности РАИМК-ГАИМКа и Керченского археологического музея по изучению и охране античного наследия Восточного Крыма в 1920–1932 гг. Отдельное внимание уделено вопросу взаимодействия этих учреждений с системой управления наукой в советской России. В ходе анализа архивных материалов было установлено, каким образом и в какой последовательности реализовывались основные цели и задачи по проведению разведок и раскопок античных памятников в окрестностях Керчи.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

Основным итогом научно-исследовательской деятельности в этот период следует считать: обнаружение производственного квартала Пантикапея, уточнение хронологии некрополя на Госпитальной улице; исследование общего состояния памятников и установление верной локализации малых городов Боспора: Киммерика, Китея, Акры, Тиритаки и Нимфея.

Ключевые слова: деятельность РАИМК-ГАИМК, Керченский археологический музей, раскопки в Восточном Крыму в 1920–1932 гг.

Summary

The article is devoted to the scientific research activity of the Russian Academy of History of Material Culture and the Kerch Archaeological Museum for the archaeological study and conservation of ancient heritage of the Eastern Crimea in 1920-1932. Special attention is devoted to the interaction of these institutions with the system of administration of science in Soviet Russia. During the analysis of archival materials, it was determined how and in what sequence the main goals and tasks of carrying out explorations and excavations of ancient monuments near Kerch were implemented in such difficult historical conditions. We should consider the detection of production quarter of Panticapaion, clarifying the chronology of the necropolis in the Hospital'naia Street, the study of general condition of the monuments and the establishment of correct localization of small cities of the Bosporan Kingdom: Kimmerik, Kytaia, Acra, Tyritake and Nymphaeum, the main outcome of research activities in the specified decade.

Keywords: activity of the Russian Academy of History of Material Culture, the Kerch Archaeological Museum, excavation in the Eastern Crimea in 1920–1932.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Застрожнова Евгения Григорьевна, к.и.н.,
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской Академии наук,
старший научный сотрудник.
pankratova0484@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia Zastrozhnova, PHD,
St. Petersburg Branch of the Archive
of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher.
pankratova0484@yandex.ru

Рис. 1. Раскопки гончарной печи на горе Митридат. 1929 г.
Фото. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 26.